

Поэтическая оцѣнка Пушкина.

(1815—1837 гг.).

«Поразительное и необычайное явленіе представляютъ первые шаги Пушкина въ литературѣ. Онъ выступалъ точно восходящій лучезарный богъ, вызывающій своимъ появленіемъ общую радость, единодушный сердечный привѣтъ. Никто не оспаривалъ его генія. Никто не сомнѣвался въ великомъ будущемъ, ожидающемъ юнаго поэта. Рядъ его первыхъ опытовъ—рядъ его первыхъ успѣховъ. Жуковский и Державинъ, пѣвецъ Людмилы и пѣвецъ Фелицы, авторъ балладъ и авторъ одъ, съ одинаковымъ интересомъ прислушивались къ пѣснямъ новаго пѣвца; представители двухъ литературныхъ поколѣній мирно сходились въ привѣтствіяхъ и благословеніяхъ начинавшему поэту. Есть что-то трогательное и знаменательное въ этомъ союзѣ боровшихся противоположностей,—союзѣ, сръпляемомъ рукою 16-лѣтняго поэта. Тутъ какъ будто навсегда намѣчена была та высокая, примирительная, объединяющая роль, которой Пушкинъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь» *).

За рѣдкими исключеніями, передъ мощью генія умолкали зависть и соперничество, личные счеты и литературные предрасудки. Самые ярые враги великаго поэта рѣшались обвинять его произведенія въ безнравственности и грубости, но не отрицали глубины и мощи его творческихъ силъ,—хулили его новыя произведенія, безмѣрно превознося старыя... Когда Пушкинъ въ своемъ творческомъ развитіи переросъ своихъ современниковъ, когда его новыя произведенія, классически отточенныя по формѣ и глубоко реальныя по содержанію, рѣзко столонулись съ литературными ввусами «любителей російской словесности», даже тогда критики, угождавшіе низменнымъ ввусамъ толпы, не забывали его прежнихъ заслугъ и признавали яркія вспышки генія въ неудачныхъ будто бы произведеніяхъ послѣдняго періода.

Поэты держались самостоятельныѣ, не измѣняли своему признанному главѣ. Многихъ изъ нихъ влекло къ Пушкину непросвѣтленное сознаниемъ

*) *Ждановъ*: „Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина“. Спб., 1887 г., стр. 5.

внутреннее чувство, которое шло въ разрѣзъ съ установившеюся системою мнѣній. Не замѣчая всей глубины пропасти, раздѣлявшей ихъ теоретическіе взгляды и свѣтлое, широкое, гармонически-свободное міровоззрѣніе Пушкина; придерживаясь изжитыхъ и осужденныхъ на безславное вымирание литературныхъ формъ и пріемовъ,—они, какъ болѣе чуткія все-таки природы, превлонялись передъ гениемъ, въ словахъ котораго звучала новая, таинственная, непонятная поклонникамъ и тѣмъ болѣе привлекательная правда. Не многіе старались и умѣли поспѣвать за быстрымъ ходомъ развитія великаго поэта, идти съ нимъ въ ногу. Благодаря всему этому дружно несутся хвалебные гимны изъ всевозможныхъ поэтическихъ лагерей, которые заглушаютъ рѣдкое и безсильное шипѣніе вражды и позднѣе скрашиваютъ замѣтное охлажденіе средняго читателя къ своему прежнему любимцу. Классики, сантименталисты, романтики разныхъ оттѣнковъ—все вполетаютъ свою посильную дань въ лавровый вѣнокъ великаго поэта.

«Старикъ-Державинъ» «замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ» нашего поэта, по его собственному выраженію. Отецъ Пушкина, С. Л., рассказываетъ *): «За обѣдомъ (послѣ акта въ лицѣ), на который я былъ приглашенъ гр. А. К. Разумовскимъ, бывшимъ тогда министромъ просвѣщенія, графъ, отдавая справедливость молодому таланту, сказалъ мнѣ: «Я бы желалъ однако же образовать сына вашего въ прозѣ». — «Оставьте его поэтомъ!»—отвѣчалъ ему за меня Державинъ съ жаромъ, вдохновенный духомъ пророчества». По свидѣтельству Ѳ. И. Глинки **), пѣвецъ Фелицы, «прочтя первые стихи Пушкина, понялъ будущаго поэта и сказалъ С. Т. А(ксако)ву: «вотъ кто замѣнитъ Державина!» Батюшковъ дивился сказочно-быстрому росту его дарованія—и подчасъ мучительно завидовалъ: прочитавъ его элегію «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», онъ воскликнулъ: «Злодѣй! Какъ онъ началъ писать!»—и судорожно скомкалъ бумагу. Бережно слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, заботливо опекаютъ его А. И. Тургеневъ и кн. Вяземскій. В. Л. Пушкинъ съ дѣтства предсказываетъ ему блестящую участь—

И съ сочувствіемъ роднымъ,
Съ властью, вѣжностью отцовской,
Карамзинъ слѣдилъ за нимъ! ***).

За одинъ стихъ своего юнаго друга, кн. Вяземскій готовъ былъ отдать «все... движимое и недвижимое»; Жуковскій даритъ ему свой портретъ съ знаменательной надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Его воспѣваютъ классики Катенинъ и гр. Хвостовъ, слезливый кн. Пашковъ, пылкій руссофилъ Глинка и вся многоцвѣтная «Пушкинская плеяда».

Сначала поэтическая оцѣнка Пушкина была отчасти отраженіемъ оцѣнки общественной и, въ свою очередь, вліяла на нее; позднѣе онѣ разошлись,

*) „Замѣчанія С. Л. Пушкина“—*Отеч. Зап.* 1841 г., т. IV, стр. 3.

**) „Воспоминаніе о поэтической жизни Пушкина“. М., 1837 г., стр. 13.

***) Кн. Вяземскій: „Помяни“.

но общество не могло не считаться съ устойчивымъ мнѣніемъ большинства поэтовъ, хотя не всегда соглашалось съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, когда русское общество, подхваченное второй и болѣе сильной волной романтическаго теченія, охладѣло къ реальной музѣ своего прежняго любимца, поэты не оставили его. Только у нихъ находилъ онъ поддержку въ самыя трудныя минуты своей многострадальной жизни.

Это, несомнѣнно, самая свѣтлая страница его трагической въ общемъ личной исторіи, и въ свѣтлые дни лучшаго изъ нашихъ національныхъ праздниковъ, во время глубокихъ по своему общественному смыслу юбилейныхъ торжествъ, отрадиѣ остановиться именно на ней...

II.

Эта поэтическая оцѣнка начинается рано—съ 1815 г.

Первымъ отозвался «сынъ лѣни вдохновенный», «парнасскій волокита», баронъ Дельвигъ, которому Пушкинъ позднѣе (1830 г.) писалъ:

Мы рождены, мой *братъ названный*,
 Подъ одинаковой звѣздѣ;
 Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
 Играли нашею судьбой.
 Явились мы равно оба
 На ипподромъ, а не на торгъ,
 Вблизи державинскаго гроба,
 И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...

По свидѣтельству самого поэта, «никто на свѣтѣ не былъ для него ближе Дельвига», «съ нимъ толковалъ онъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить».

Бого осѣнило божественное дуновеніе поэзій, тотъ, по словамъ посланія Дельвига къ Пушкину, съ младенчества

обучается
 Воспѣвать красоты поднебесныя,
 И ланиты его отъ прिवѣтствія
 Удивленной толпы горять пламенемъ.
 И Паллада туманное облако
 Разсѣваетъ отъ взоровъ,—и въ юности
 Онъ ужъ видитъ священную истину
 И порокъ, исподобья взирающій!
 Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
 Лира выдастъ его громкимъ гнѣнемъ,
 И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
 Аполлонъ на Олимпъ торжествующій *).

Въ 1817 г. онъ обращается къ своему «брату по музѣ», своему «Оресту»:

Но въ тряской, скачущей телѣгѣ,
 Мой другъ, свободно ли мечтать?

*) *Россійскій Музеумъ* 1815 г., т. III, стр. 260—1; *Соревнователь просвѣщенія и благодѣянія* 1819 г., т. XII, стр. 103—4.

И только мысль тебя обнять,
 Съ тобой дѣлить вино, мечтанья
 И о быломъ воспоминанья—
 Меня въ ней можетъ утѣшать *).

Когда поэты заговорили о преемникахъ умершаго Державина, Дельвигъ прямо указалъ на своего задушевнаго друга **):

Державинъ умеръ! Чуть факель погасшій дымится, о Пушкинъ!
 О, Пушкинъ! Нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ...

.....
 Кто-жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирою? Кто?—Пушкинъ,
 Атлетъ молодой, кипящій летѣть по шумной аренѣ,
 Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ.
 Молися Каменамъ! И я за друга молю вась, Камени!
 Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
 Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!
 Но и въ старости грустной пускай онъ, пріятно по лирѣ
 Гремящей сперва ударяя, уснетъ исчезающимъ звономъ!...

Пророчество было подсказано тѣмъ таинственнымъ внутреннимъ голо-
 сомъ, который прекрасно опредѣленъ самимъ Дельвигомъ въ его предестномъ
 сонетѣ, посвященномъ Языкову ***):

Отъ равнихъ лѣтъ я пламень не напрасный
 Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
 Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
 Съ какою-то любовію пристрастной.
 Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
 Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
 И первый я его услышалъ пѣнье
 И за себя боговъ благословилъ!

Когда Пушкинъ, уставшій отъ клеветъ и преслѣдованій, хотѣлъ «укрыться
 въ безвѣстности», Дельвигъ поддержалъ его бодрымъ и сильнымъ словомъ ****):

Какъ? Житель гордыхъ Альпъ, надъ бурями парящій,
 Кто кроетъ солнца ликъ развернутымъ крыломъ,
 Услыша подъ скалою ехидны свистъ шипящій,
 Раздвинулъ когти врозь и оставляетъ громъ?
 Тебѣ-ль, молодой вѣщунъ, любимецъ Аполлона,
 На лиру звучную потокомъ слезы лить,
 Дрожать предъ завистью и, подъ косою Крона
 Склоняся, даръ небесъ въ безвѣстности укрыть?
 Нѣтъ, Пушкинъ! Рокъ пѣвцовъ—безсмертье, не забвенья!...

Почти одновременно съ Дельвигомъ отозвался «братъ Виля» или «Кюх-
 ля»—нескладный, смѣшной и наивный, но въ высшей степени благодуш-
 ный и честный Кюхельбекеръ.

*) *Благонамѣренный* 1818 г., т. II, стр. 13 — 14; *Современникъ* 1854 г., т. I, стр. 3—4.

***) *Гротъ*: „Соч. Державина“, т. IX, стр. 552.

****) *Труды воиннаго общ. моб. рос. слов.* 1823 г., XXI, стр. 58; *Новости литера-
 туры* 1824 г., т. V, стр. 79.

*****) „Соч. Дельвага“. СПб., 1893 г., стр. 110—111.

Въ своихъ *Запискахъ* (Спб., 1886 г., стр. 382—3) Гречъ далъ очень яркую его характеристику:

«Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ — комическое лицо мелодрамы (14 декабря 1825 г.). Онъ воспитывался въ лицей съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Корфомъ и др., успѣлъ хорошо въ наукахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзію,—раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно, съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій; потомъ поѣхалъ въ чужіе края секретаремъ при А. Л. Нарышкинѣ, который было полюбилъ его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ какими-то либеральными литераторами и вздумалъ читать на французскомъ языкѣ лекцію въ «Атенеѣ» о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи... Часть публики смѣялась надъ нимъ; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размахистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать и самъ слетѣлъ съ кафедры. Одинъ съдой якобинецъ слушалъ его внимательно и поддержалъ его словами: «*ménagez-vous, jeune homme! votre patrie a besoin de vous!* (берегите себя, молодой человекъ! Ваше отечество нуждается въ васъ!)»

Отношенія Пушкина къ нему были очень сложны: тутъ было искреннее уваженіе къ благородству личнаго характера пріятеля и честности его убѣжденій, снисходительно-насмѣшливое отношеніе къ его обидчивости и мелочности. Упрекая Кюхельбекера за болѣзненную обидчивость, Пушкинъ однажды ему сказалъ *): «тяжелый у тебя нравъ, братъ Кюхля! Вспомни мое слово: ни любовницы, ни друга не познать тебѣ во вѣкъ». Въ эпиграммахъ Пушкинъ называлъ его «внукомъ Тредьяковского», утверждая, что онъ

Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

Подчасъ Жуковскому, какъ и другимъ пріятелямъ и знакомымъ, приходилось «кюхельбекерно и тошно» **). Въ вакхической пѣснѣ Пушкинъ ему предлагалъ:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи—
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

Систематически преслѣдуетъ его великій поэтъ за претенціозное геніальничанье, головную, надуманную любовь и неудачную имитацию сильныхъ чувствъ:

*) „Соч. кн. П. П. Вяземскаго“. Спб., 1893 г., стр. 486.

***) Эта цитата изъ собственной эпиграммы очень часто встрѣчается въ письмахъ Пушкина.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
 Тебѣ приятно слезы лить,
 Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
 И въ сердца тихое уныніе таить.
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!...

Съ другой стороны, онъ считалъ своего «Кюхлю» «человѣкомъ дѣльнымъ съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродомъ», и жалѣлъ, что у него «отбили охоту къ журналамъ» (письмо къ кн. Вяземскому 1825 г.), называлъ его своимъ «братомъ по музѣ, по судьбамъ» («19 октября 1825 г.») и трогательно простался съ нимъ въ 1817 г.:

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пенать.
 Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
 Прошли лѣта соединенья;
 Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
 Прости! Хранимъи небожь,
 Не разлучайся, другъ,
 Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
 И дни твои полетомъ сновидѣнья
 Да пролетать въ счастливой тишинѣ!
 Прости! Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
 Святому братству вѣренъ я.
 И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

На рукописи своего «Шенье» онъ приписалъ сбоку «Кхбкр (т.-е. Кюхельбекеръ). Да сохранить тебя твой добрый геній подь бурей». Когда Кюхельбекеръ былъ арестованъ по дѣлу декабристовъ и заключенъ въ крѣпость, Пушкинъ освѣдомляется о немъ съ нѣжной заботливостью и не можетъ хладнокровно вспомнить объ его несчастной судьбѣ. Въ бумагахъ Пушкина сохранилось трогательное описаніе его случайной встрѣчи съ Кюхельбекеромъ въ 1827 г., на станціи Залазахъ, когда его перевозили изъ Шлюссельбурга въ Сибирь: «Я вышелъ взглянуть на нихъ (тройки съ фельдъегеремъ). Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородой, во фризовой шинели... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегеръ взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣбалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и усаkali».

Бывшій при этомъ фельдъегеръ подалъ по начальству любопытный ра-

портъ, дорисовывающій намѣченную Пушкинымъ сцену свиданія *): «Отправленъ былъ я... въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и по пути, приѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ нѣкто г. Пушкинъ и началъ послѣ поцѣлуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, наипоспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать, а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семь ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что, по прибытіи въ С.Петербургъ, въ ту же минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распространиться съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того, не премину также сказать и ген.-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ, между прочими угрозами, объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ».

Высоко цѣнили эту дружбу Кюхельбекеръ, гордился своею близостью къ Пушкину и его поэтическому кружку **):

Такъ! Не умереть и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый,
И въ счастья, и въ несчастья твердый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ!

Назвавъ Дельвига и Баратынскаго, онъ особенно подробно остановился въ цитированномъ выше стихотвореніи на Пушкинѣ:

...ты, нашъ юный корифей,
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана!
Что для тебя шипѣнье змѣй,
Что крикъ и филина, и врана?
Лети и вырвись изъ тумана,
Изъ тьмы завистливыхъ временъ...
О, други! Пѣснь простого чувства
Дойдетъ до будущихъ племенъ.
Весь вѣкъ нашъ будетъ посвященъ
Труду и радостямъ искусства.
И что-жь? Пусть превратъ насъ топа:
Она безумна и слѣпа!

«Родимые своды» вязовъ Царскаго Села главнымъ образомъ тѣмъ святы и дороги для него, что съ ними связаны первыя впечатлѣнія слагавшейся дружбы и формировавшагося «тройственного союза» ***). Онъ пишетъ «изъ Царскаго Села»:

*) См. берлинское изданіе стихотвореній Пушкина 1861 г.

**) *Соревнователь Прощенія и Благотворенія* 1820 г., IV, стр. 78.

***) *Сынъ Отечества* 1818 г., ч. 48, № 33, стр. 129—130; *Благонамѣренный* 1818 г., III, стр. 133—5.

Здѣсь мирныя мѣста, гдѣ возвышенныхъ музъ,
 Небесный пламень ихъ и радости святыхъ,
 Порывъ къ великому, любовь къ добру—впервые
 Узнали мы, и гдѣ нашъ тройственный союзъ,
 Союзъ младыхъ пѣвцовъ, и чистый, и священный,
 Волшебнымъ навыкомъ, судьбою заключенный,
 Былъ дружбой утвержденъ!
 И будетъ онъ для насъ до гроба незабвенъ!
 Ни радость, ни страданье,
 Ни лѣта, ни корысть, ни почестей исканье—
 Ничто души моей отъ васъ не удалитъ!
 И въ пѣсняхъ сладостныхъ, и въ славѣ состязанье
 Друзей-соперниковъ тѣснѣй соединитъ!
 Зачѣмъ же нѣтъ васъ здѣсь, избранныи харитъ—
 Тебя, о, Дельвигъ мой, поэтъ, мудрецъ лѣнивый,
 Безпечный и въ своей безпечности счастливый,—
 Тебя, мой огненный, чувствительный пѣвецъ
 Люби и добраго Руслана,—
 Тебя, на чьемъ челѣ предвижу я вѣнецъ
 Арьоста и Парни, Петрарки и Байона?
 О, други! почему не съ вами я брожу?
 Зачѣмъ не говорю, не спорю здѣсь я съ вами?
 Или, сплетясь руками,
 Зачѣмъ не вмѣстѣ мы внимаемъ шуму водъ,
 Бьющихъ искрами и пѣною о камень?
 Не вмѣстѣ посмотримъ здѣсь на солнечный восходъ,
 На потухающій на краѣ неба пламень?

Обрадованный вѣстью о женитбѣ Пушкина и не предчувствуя ея роковыхъ послѣдствій, онъ обращается къ великому поэту съ трогательнымъ привѣтомъ *):

... данъ ты въ честь,
 Въ утѣху данъ родному краю;
 Въ подругѣ ангела обрѣсть
 Умѣлъ ты—и, подобно раю,
 Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть.
 Расторгъ ты козни вѣроломства...
 Итакъ, впередъ, и въ слухъ потомства
 Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
 Талантъ, любимцу небомъ данный,
 Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
 Да не сокроется! Избранный!
 Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
 Въ эфиръ свободный и просторный **)
 Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
 Впередъ же, доблестнымъ орломъ!

Изъ далекой ссылки, изъ-за «страха Европы—сѣдого Урала», Енисей, степей и Байкала откликнулся онъ въ 1836 г. на лицейскую годовщину ***).

*) „Избранныя стихотворенія Кюхельбекера“, Шо-де-фонъ, 1880 г., стр. 92—94.

***) Пространный?

***) „Избранныя стихотв.“, стр. 43—44; *Отг. Зап.* 1863 г., кн. XI, стр. 38—39.

... На крылахъ печали
 Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали.
 Поминки нашей юности—и я
 Ихъ праздновать хочу. Воспомянья!
 Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
 Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
 Пусть сощрадаетъ васъ душа моя—
 Всѣхъ васъ, лица нашего семья!
 Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ,—
 Вы съ сердца свѣте туманъ и холодъ.
 Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
 Предъ ворами моими? Какъ перуны
 Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
 Рокочуть... Пушкинъ, Пушкинъ! Это ты!
 Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
 Твои живыя, вѣщія мечты
 Меня не забывали въ ту минуту,
 Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
 Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ
 Къ родному граду простираля объятя,
 И надъ Невой затрепетали братья,
 Услышавъ гармоническій твой стонъ.
 Съ сѣдого Пейпуса, волшебный, онъ
 Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
 Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій—
 И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.
 О, братъ мой! Много съ той поры прошло,
 Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
 Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою...

Страшнымъ ударомъ было для него внезапное извѣстiе о трагической судьбѣ друга *):

... Я одинъ среди чуждыхъ мнѣ людей
 Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
 Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
 Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей!
 Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
 Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ—
 И вотъ опять лица день священный,
 Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
 Не принесетъ онъ новыхъ пѣсень вамъ,
 Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
 Не выпьетъ съ вами онъ ваздравной чаши—
 Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
 Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
 Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
 По нимъ, по нимъ душа моя тоскуетъ;
 Я жадно руки простираю къ нимъ!...

*) „Избранн. стих., стр. 46—47; *Отч. Зап.* 1863 г., кн. XI, стр. 40; *Русская Старина* 1870 г., кн. I, стр. 293—294. Это стихотвореніе—Лицейская годовщина.

Онъ такъ часто и много думаетъ о своихъ безвременно погибшихъ друзьяхъ, Грибоѣдовѣ, Дельвигѣ и Пушкинѣ, «жертвахъ сердца своего, страдальцахъ и поэтахъ», «вызывая ихъ изъ дальнихъ могилъ», что на берегахъ «угрюмага сына степей, хранительницъ Китая, Она», даже увидѣлъ, въ минуту поэтического экстаза, дорогіе призраки и, очнувшись, еле совладалъ съ своимъ сердцемъ—надеждою на «свиданіе тамъ»...

Третій членъ этого тѣснаго поэтического кружка—Баратынскій.

Пушкинъ высоко цѣнилъ его поэтическій талантъ и нравственный характеръ.

Въ 1822 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: «Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь запагаетъ, какъ шагаль до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасеня нѣтъ».

Онъ негодовалъ на критику за ея холодность къ Баратынскому и въ 1827—1831 гг. носился съ планомъ статьи, которая должна была объяснить значеніе этого «Гамлета русской поэзіи». Отъ нея сохранились только отрывки. «Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ предестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками... Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды», т.-е. Батюшкова.

Благодаря своему философскому и эротическому характеру, лирика Баратынскаго даетъ мало реальныхъ отголосковъ. Характерное упоминаніе о Пушкинѣ мы нашли только въ знаменитыхъ «Пирахъ» *).

Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесъ дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты, Дельвигъ мой,
Мой братъ по музамъ и по лѣни,—
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,—
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знаткомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой,—
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья, и мечтанья,

*) „Полное собраніе сочиненій“. Спб., 1894 г., II, стр. 153—154.

О, поспѣшите въ домикъ мой
 На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!

 Со дня равлуки, знаю я,
 И дни, и годы пролетѣли,
 И разгадать у бытія
 Мы много тайнаго успѣли:
 Чтѣ ни ласкало встарину,
 Чтѣ прежде сердцемъ ни владѣло,—
 Подобно утреннему сну
 Все измѣнило, улетѣло!
 Увы! на память намъ придуть
 Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
 Чтѣ на Парнассѣ берегутъ
 Преданья молодости нашей:
 Собранье пламенныхъ замѣтъ
 Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
 Плоды счастливаго забвенья,
 Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
 Свои живыя сновидѣнья...
 Не обрѣсти замѣны имъ!
 Чему же вѣру мы дадимъ?—
 Пирамъ! Въ безжизненные лѣта
 Душа остылая согрѣта
 Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
 Пускай навѣкъ исчезла младость,
 Пируйте други: стучомъ чашъ
 Авось приманенная радость
 Еще заглянетъ въ уголъ нашъ.

III.

Завязанныя въ «Арзамасѣ» дружескія отношенія Пушкина и кн. Вяземскаго окрѣпли, сдѣлались тѣсными и интимными еще въ началѣ 20-хъ годовъ. Только что опубликованная переписка кн. Вяземскаго и А. И. Тургенева 1812—1819 гг. *) даетъ много драгоценныхъ чертъ для характеристики этихъ отношеній, въ которыхъ такъ много рѣдкой у насъ теплоты и деликатности.

Когда другіе, оскорбленные въ лучшихъ чувствахъ своей филистерской морали, метали въ Пушкина громы за его увлеченія и ошибки, кн. Вяземскій писалъ **): «Ему нужно волненіе и сотрясеніе: пускай трясеть онъ себѣ!» Тургеневъ, всю жизнь нянчившійся съ мятежнымъ поэтомъ, какъ курица съ высиженнымъ утенкомъ, по характерному выраженію кн. Павла Вяземскаго, вторилъ своему другу ***) и оправдывалъ его увлеченія условіями домашняго и школьнаго воспитанія.

*) *Остафьевскій Архивъ*, т. I, Спб., 1899 г.

***) *Ibid.*, стр. 206.

***) *Ibid.*, стр. 280.

Много гуманности и широты взгляда у этих старых «арзамасских гусей»!

По поводу «Руслана и Людмилы» Тургеневъ извѣщалъ о Пушкинѣ *): «Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него. Увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ; но по выходѣ въ печать его поэмы будутъ писать (?) на немъ если не порокъ академической, то по крайней мѣрѣ не первостепеннаго повѣсу. А кто знаетъ, можетъ быть, схватить и въ академію».

Въ то время какъ другіе, въ порывѣ чисто-русской дружбы, о которой такъ горько отзывался Пушкинъ и которая, какъ извѣстно, освобождаетъ отъ всякой нравственной сдержки **), даетъ право грубаго вмѣшательства въ самыя интимныя дѣла и чаще всего выражается въ радостномъ подхвѣтываніи самыхъ невѣроятныхъ позорящихъ слуховъ о пріятеляхъ,—когда другіе своими сплетнями усложняли и безъ того трудное положеніе гонимаго поэта, вооружали противъ него глубоко чтимыхъ имъ Карамзиныхъ и взводили на него всевозможныя небылицы,—Вяземскій пишетъ отъ его лица сильный, продуманный и прочувствованный протестъ ***): «Гдѣ гнѣздо, гдѣ улей сплетней, составляемыхъ на мой счетъ въ столичномъ городѣ Петра? Хорошо ли было встревожить Карамзиныхъ насчетъ человѣка, коего они любятъ горячо,—не предваривъ прежде всего человѣка, уже немало-лѣтняго? Дружба хороша, но если она при слабоуміи, то можетъ иной часъ накутить болѣе непріятностей, чѣмъ сама непріязнь. Позволительно ли изъ шалостей случайныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнью, не имѣющихъ на нее и на все, что есть въ ней высокаго, никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о человѣкѣ мнѣніе, постоянное, исключительное?»...

«Положимъ, что иные поступки, иные слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными, но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ? И составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами и заодно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости?» Когда другіе широко распространяли стихотворенія Пушкина, сильно тогда нуждавшагося, и этимъ тормозили продажу его изданій, тотъ же Вяземскій наставлялъ ****): «не надобно же дать грабить Пушкина: довольно и того, что его давятъ».

*) „Соч. кн. П. П. Вяземскаго“, стр. 481.

***) *Пріятель* Арк. Родзянка, наприм., написалъ на *смыслнаго* Пушкина сатиру, въ которой приписывалъ ему „гимнъ Занду (убійцѣ Коцебу) на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувела“ (убійцы герцога Беррійскаго); свободолюбивое и атенстическое письмо Пушкина, послужившее одной изъ причинъ его ссылки въ Михайловское, по-лучило огласку благодаря пріятелямъ и т. д.

****) „Соч. Вяземскаго“, стр. 505—506.

*****) *Ibid.*, стр. 497.

Когда изъ Одессы доходили тревожные слухи о неугомонномъ поэтѣ, онъ пишетъ ему «секретное письмо» *): «Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ?... Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотреть, какъ на *champ d'asyle*, а въ этомъ полѣ вѣрно никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности (по отношенію къ Пушкину)? Да къ тому же, признаюсь откровенно, я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человекъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкихотствовать противъ власти ни за *ммо*, ни за *мнѣніе*, какія бы они ни были, если власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или за нее. Ты довольно сыгралъ пажескихъ штукъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно! А вся наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ, que par des espègle-gies. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться надоѣсть...»

Въ стихотвореніяхъ и письмахъ Пушкина можно найти много отголосковъ его искренней пріязни къ арзамасскому «Асмодею»—Вяземскому, уваженія къ его поэтическому таланту, острому уму и многостороннему, добытому самостоятельнымъ трудомъ, образованію.

Наиболѣе характерный изъ нихъ—начало недоконченнаго посланія:

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаемой игрой...

Въ поэзіи Вяземскаго эта дружба оставила глубокіе слѣды. Всю свою долгую жизнь, даже переживши свой талантъ, свою славу и самого себя, потерявъ всякое чутье дѣйствительности и съ увлеченіемъ отдаваясь пошлomu брюзжанію на новыя идейныя теченія,—онъ оживляется при имени Пушкина, и въ его дряхлѣющемъ стихѣ просыпается сила, воскресаетъ прежняя яркость.

Въ 1826 году онъ писалъ сестрѣ поэта **):

Нашъ случай свель; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милый,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.
Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

*) Отчетъ Публичной бібліотеки. Спб., 1898 г., стр. 52—3.

***) „Сочин.“, т. III, стр. 405.

Удѣлъ его—блескъ славы вѣчно льстивою,
 Не часто намъ сияющей изъ тучъ;
 И отъ нея ударить яркій лучъ
 На жребій твой въ безопасности счастливый.
 Но для него ты благотворной будь;
 Свѣти ему звѣздою безмятежной,
 И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
 Ты услаждай тоскующую грудь.

Потрясенный смертью Пушкина, онъ посылаетъ *) кому-то за границу (повидимому, А. О. Россетъ-Смирновой) свои стихи «на память»:

Одною думой, однимъ событьемъ полный,
 Когда на чуждый брегъ васъ переносить волны,
 И звуки родины должны въ послѣдній разъ
 Печалью врѣзаться и отозваться въ васъ,
 На память и въ завѣтъ о прошломъ въ мирѣ новомъ,
 Я васъ напутствую единымъ скорбнымъ словомъ,—
 Затѣмъ, что скорбь моя превыше силъ моихъ,
 И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стога,
 Вамъ затвердить одно рыдающій мой стихъ:
 Что яркая звѣзда съ родного небосклона
 Внезапно сорвана средь бури роковой,—
 Что пѣсни лучшія поэзии родной
 Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,—
 Что тамъ во всей порѣ красоты и славы зрѣлой
 Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услады нашихъ дней,
 Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
 Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
 Вѣщаль глаголь боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,—
 Что навсегда умоля любимый нашъ поэтъ,
 Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

Въ 1853 году передъ его творческимъ воображеніемъ въ «Поминкахъ» воскресаетъ все тотъ же дорогой образъ **):

Поэтической дружины
 Смѣлый вождь и исполинъ!
 Съ дѣтства твой полетъ орлиный
 Достигалъ крутыхъ вершинъ

 Отрокъ съ огненной печатью,
 Съ теплымъ заревомъ лучей
 Вдохновенья и призванья
 На пророческомъ челѣ,
 Полномъ думы и мечтанья—
 Крыльевъ нашихъ на землѣ;
 Вѣщій отрокъ, отрокъ славы..

Зл. Каллашъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) „Сочин.“, т. IV, стр. 207—8.

**) Сочин., т. XI, стр. 17.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

—
1899.